

Со времени написания пушкинского «Памятника» вопрос о «тормозном пути» творений за грань физического существования волновал в той или иной мере любого поэта.

Не был исключением и Леонид Николаевич Мартынов, написавший в зрелые годы:

*Нас воскресят, изучат, истолкуют,
порой анахронизмами греша...
Но что-то не особенно ликует
от этого бессмертная душа.*

*И мы не лопнем от восторга, ибо
нас разглядеть и опыт наш учесть
и раньше, разумеется, могли бы!
Но вообще — благодарим за честь!*

(«Честь», отрывок)

Не вызывает сомнений, что долголетие поэзии того или иного автора во многом зависит от того, насколько преданы творчеству поэта самые близкие — родственники (наследники). В этом отношении Леониду Мартынову повезло.

Уже будучи автором нескольких, так или иначе связанных с творчеством Л. Мартынова статей, я лишь в 2005 году узнал, что жива вдова поэта — Галина Алексеевна Сухова-Мартынова. Удаленность Братска от Москвы внесла коррективы в мои планы встретиться с ней — встреча состоялась лишь в ноябре 2009 года. Адрес мне был сообщен главным редактором журнала поэзии «Арион» Алексеем Алёхиным, за что я его заочно благодарю. (Как выяснилось позднее, Галина Алексеевна тоже разыскивала меня через Братский государственный университет — она прочла мою статью «Ещё раз о точности в поэзии» в газете «Литературная Россия». Статья имела прямое отношение к биографии Л. Мартынова.)

Подходя к дому (проспект Ломоносовский, 19), я испытывал нешуточное волнение: вот-вот переступлю порог квартиры, в которой жил сам Леонид Мартынов, творчество которого почитаю и изучаю вот уже тридцать лет.

Первое впечатление незабываемо: меня встречает на лестничной клетке энергичная женщина с четкой дикцией и быстрой походкой (о возрасте женщин говорить не пристало, напомним лишь читателю, что Леонид Николаевич умер в 1980 году). На второй этаж мы поднимаемся без лифта. Меня встречает и дочь Галины Алексеевны — Лариса Валентиновна Сухова. После вручения «протокольных» букетика цветов и коробки конфет робко озираюсь в кабинете Мартынова: я узнаю этот кабинет по фотографии из сборника поэта «Во-первых, во-вторых, в-третьих». Прежде всего — это стеллажи от пола до потолка с книгами, справочниками, энциклопедиями... Становится понятней энциклопедичность поэзии Мартынова. Видны и минералы — страсть Мартынова «собирать камни» (в прямом и переносном смысле) известна почитателям поэта. После осмотра квартиры началась

многочасовая беседа о жизни и поэзии Мартынова, о его последних годах, о болезни и смерти его первой жены и матери... Не могу не упомянуть и о скромном, но изысканном ужине.

Со смерти Леонида Мартынова прошло уже тридцать лет... Что же удалось сделать за это время Галине Алексеевне и Ларисе Валентиновне?

Пожалуй, главное — это создание полного каталога произведений поэта с указанием всех публикаций каждого произведения с 1920 (!) года до нашего времени, что потребовало многолетней кропотливой работы в различных библиотеках и архивах. Не ошибусь: таких полных и подробных каталогов нет и у многих более прославленных поэтов.

Не менее важная работа — редактирование и участие в редактировании ряда сборников Мартынова и книг о нем. Например, книга «Воспоминания о Леониде Мартынове» («Советский писатель», М., 1989), в которой собраны воспоминания о поэте Андрея Вознесенского, Сергея Залыгина, Бориса Слуцкого, Евгения Евтушенко, Виктора Сосноры, Михаила Дудина, самой Суховой-Мартыновой и многих других литераторов. Из последних сборников стихов Мартынова отмечу «Избранное» («Мир энциклопедий Аванта+. Астрель», М., 2007).

Только благодаря многотрудным хождениям по генеральским кабинетам, в 1989 году Галина Алексеевна добилась полной реабилитации поэта, беспричинно сосланного в Вологду в 30-е годы. (Энкавэдэшники инспирировали «дело» о поэтах, якобы желающих отделения Сибири. Кроме Мартынова пострадали и другие литераторы. Из известных — поэт Павел Васильев, которого, по словам Галины Алексеевны, Мартынов считал стукачом.) Не ошибусь, если скажу: если бы не Г. Сухова-Мартынова, Леонид Николаевич не был бы реабилитирован и поныне.

Наша встреча произошла 24 ноября, а, как оказалось, 22 ноября — день рождения Ларисы Валентиновны Суховой. Я не верю в нумерологию, но... день рождения моей мамы (царствие небесное) — 22 ноября, а день рождения Галины Алексеевны (2 апреля) совпадает с днем рождения моей сестры.

Разговор наш перемежался чтением стихов Мартынова. Не был обойден вопрос о периоде 1946-1957 гг., когда поэта не печатали вовсе. Травля поэта началась со статей Веры Инбер. Оказалось, что поэт не держал зла на поэтессу: он знал, что Инбер — племянница по материнской линии Льва Троцкого, и она не могла не выполнить «заказ», поступивший, без сомнения, сверху. Да, мудрость Леонида Николаевича проявлялась и в личной жизни. (Признаться, я не сразу поверил, что Вера Инбер — племянница Троцкого, но недавняя публикация В. Огрызко в «Литературной России» подтверждает этот факт.)

Дом, в котором последние годы жил Мартынов, — не простой. В нем и сейчас живет Юрий.

Конечно, обсудили мы и неприятие Мартыновым творчества (а не личности!) Бориса Пастернака. Видимо, прав был С. Мнацаканян, написавший в одном из майских номеров «Литературной газеты» за 2005 год, что уж слишком разными были эти поэты: «сибирский медведь» Мартынов и «дачник» Пастернак (эпитеты — С. Мнацаканяна).

Двадцать шестого ноября мы с Галиной Алексеевной посетили могилу Л. Мартынова на Востряковском кладбище. Ухоженность могилы — ещё один маленький подвиг Суховых.

Галина Алексеевна процитировала Мартынова:

*— Все станет на свои места,
Уход твой назовут утратой
В год от рождения Христа
Две тысячи девятьсот пятый,
А до тех пор доволен будь
И безмятежностью забвенья,
Ложась своей же гордой тенью
На собственный свой торный путь.*

Обратный путь до метро «Юго-Западная» Галина Алексеевна предложила проделать пешком, а это — около шести километров.

Вместо эпилога

Поэтесса Вера Павлова однажды порезала листом бумаги ладонь. Резюме: «Линия жизни продлена на четверть!». Линия жизни Леонида Мартынова продлена уже на две пятых, но это — далеко не предел. Мартынов включен в обязательную программу по литературе средней школы Российской Федерации. В антологии «Русская поэзия второй половины XX века» (серия «Библиотека отечественной классики», М., Дрофа, 2008) поэт занял достойное место среди Николая Заболоцкого, Бориса Слуцкого, Давида Самойлова, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Бориса Чичибабина, Николая Рубцова, Александра Кушнера, Тимура Кибирова... Несомненно, это и результат многотрудной, никем не оплачиваемой, подвижнической работы Г.А. Суховой-Мартыновой и Л.В. Суховой. Пожелаем им здоровья, архивных находок, новых книг.